

Иван Аксаков

**Письма И. С. Аксакова к А.
Д. Блудовой**

Иван Сергеевич Аксаков

Письма И. С. Аксакова к А. Д. Блудовой

«6 сентября 1853 г. Иван Сергеевич Аксаков (1823–1886) присутствовал на обеде в семействе Блудовых, в Павловске, куда был приглашен графиней Антониной Дмитриевной Блудовой (1812–1891) – фрейлиной Императрицы Марии Федоровны. После обеда Аксаков читал свои „судебные сцены“ „Присутственный день в уголовной палате“, которые привели в восторг графа Дмитрия Николаевича Блудова. Вероятно, после этой встречи и начались многолетние дружеские отношения Аксакова с Блудовой...»

Содержание

#1	0005
1	0006
2	0008
3	0013
4	0016
5	0023
6	0027
7	0035
8	0037
9	0041
10	0044
11	0048

Иван Сергеевич Аксаков
Письма И. С. Аксакова к А. Д.
Блудовой

6 сентября 1853 г. Иван Сергеевич Аксаков (1823–1886) присутствовал на обеде в семье Блудовых, в Павловске, куда был приглашен графиней Антониной Дмитриевной Блудовой (1812–1891) – фрейлиной Императрицы Марии Федоровны. После обеда Аксаков читал свои «судебные сцены» «Присутственный день в уголовной палате», которые привели в восторг графа Дмитрия Николаевича Блудова [1]. Вероятно, после этой встречи и начались многолетние дружеские отношения Аксакова с Блудовой.

Пятьдесят писем Ивана Сергеевича к графине за 1861–1862 гг. были опубликованы [2]. Еще одно письмо Аксакова 1860 г., сообщающее о событиях, связанных со смертью А. С. Хомякова, было напечатано в «Русском Архиве» [3]. Предлагаемые вниманию читателей письма хранятся в РГАДА (№№ 1, 4–6, 11 – Ф. 1274. Оп. 1. Д. 1808), РГАЛИ (№№ 2, 7–9, 10 – Ф. 72. Оп. 2. Д. 12), ОР РГБ (№ 3 – Ф. 359. К. 8228. Д. 2) и публикуются по автографам.

16 сентября 1853 г. П<етер>б<ург>
К искреннему моему сожалению не могу у Вас быть ни нынче, ни завтра, ни послезавтра, графиня, а буду в субботу. Нынче еду к своей тетушке по случаю именин ее (завтра 17 ое), а в пятницу – охота за зайцем. Теперь уже один. Сейчас пришел из Зг<о> Отд<еления>, где имел удовольствие часа два ждять в обществе переодетых в штатское платье офицеров (они пришли с докладами о своем шпионстве), запомнил их лица и могу узнать их, если встречу: это полезно.

От гр<афа> Орлова[4] ответ пришел: «нельзя» – и больше ничего, никаких объяснений, даже не знаю, докладывалось ли письмо мое государю. Дуп<ельт>[5] говорит, что искренно жалеет.

Мне очень совестно перед графом[6], что я не побывал у него в Петербурге, но я боюсь всегда его беспокоить, а он так деликатен, что не выпроводит без церемоний докучного гостя, или гостя не в пору.

До свидания.

Преданный Вам Ив. Аксаков

21 апреля 1854 г. Елисаветград
Херс<онской> губ<ернии>

Не зная, где именно теперь Оболенский, Попов, Шеншин[7], в Москве ли, в Петербурге ли, в разъездах ли, я решаюсь обратиться к Вам. Прошу Вас, графиня, дайте мне совет, а если Шеншин в Петербурге, то призовите и его на совещание. Дело вот в чем: в то время как дерутся на Дунае, дерутся на Черном море, а может быть и на Балтийском, в то время как для дряхлого мира[8] занимается заря преобразования, слышишь тяжелое и мощное дыхание роковых судеб, видишь стихии мира, встающие на брань[9], – в это вещее время ваш покорный слуга производит мирные, но не всемирные и не мировые исследования. И о чем же? О торговле салом, щетиною, шерстью, кожей и т. п. Оно бы и ничего, события – должно полагать – совершатся и без моей помощи, но дело в том, графиня, что я без шуток, представляю теперь явление самое комическое! Мне приходится исследовать то, чего нет и что, вероятно, с окончанием войны,

подвергнется совершенному изменению. Но Вы, может быть, забыли, в чем именно состоит поручение, данное мне Географическим обществом? Так позвольте напомнить.

Поручение это, основанное на программе, сочиненной лет 5 тому назад, и данное мне в то время, когда еще можно было сомневаться в том, что война примет такие размеры, – состоит в исследовании ярмарочной украинской торговли и в подробнейшем описании украинских первостатейных ярмарок, которых счетом 11. Но главнейшие источники, снабжавшие деньгами безденежную Малороссию, теперь иссякли: нет сбыта ни пшенице, ни салу, ни шерсти, ни коже, ни щетине, словом единственным малороссийским продуктам. Новороссийский край, один из важнейших покупателей русских мануфактурных товаров на украинских рынках, ровно ничего не закупает, – напротив того все закупленные им прежде русские товары остались непроданными и вывезены обратно в Россию для продажи. Понятно, что современные обстоятельства должны оказывать решительное влияние на ход торговли и в особен-

ности в Малороссии, которой произведения составляют предмет заграничного отпуска. Настоящий 1854 год не может[10] даже быть принят в соображение при описании украинских ярмарок, но в этот-то год, который есть исключение, из ряду вон, как говорится, – вздумалось ученой любознательности производить свои исследования! Труд напрасный и бесполезный! Должен сознаться Вам, что просто иногда совестно мне бывает надоедать людям[11] такими несвоевременными статистическими запросами... «Что вы у нас делаете? – Я, я произвожу исследования о торговле... – Помилуйте, какая же теперь торговля! Ее нет! А слышали ли вы, что Силистрия взята» – и проч. Вот что мне приходится слышать по нескольку раз на день!

Добросовестность требует, чтоб предпринятый мной труд был отсрочен до... окончания войны. Я и готов это сделать, готов даже возвратить Обществу взятые мною деньги, но желаю иметь в виду другое верное занятие. Я хочу вступить в какую-нибудь гражданскую должность при Дунайской армии. Существуют же канцелярии при главных квартирах,

при главнокомандующем, при начальниках отдельных отрядов? Нельзя ли мне попасть в одну из подобных канцелярий, хоть в звании писца? Серьезно говорю Вам, что готов принять должность писца, только там, на Дунае. Я хочу быть ближе к театру войны, хочу... Да что же Вам объяснять? Вы верно понимаете вполне мои побуждения, графиня! Шеншину, должно быть, хорошо известен состав канцелярий при действующей армии: сделайте милость, расспросите его подробно и потрудитесь меня уведомить. Никакого высшего решения добиваться не нужно; необходимо только рекомендательное письмо к какому-нибудь начальнику штаба, письмо, с которым бы я мог явиться на Дунай! Если это возможно, если я получу от Вас ответ благоприятный, то немедленно явлюсь в Петербург для расчета с Обществом, возьму письмо и – на Дунай! – Досадно только, что письма ходят так долго: это письмо Вы получите не ближе как через 12 дней. Если Вы напишите ответ через неделю по получении моего письма, то потрудитесь адресовать Ваше на мое имя в г. Полтаву; если же позже, – то в г. Ромны Пол-

тавской губернии. В ожидании ответа, я стану продолжать свои разъезды. Я уже писал об этом предмете Оболенскому, но письмо – будто в воду кануло.

Вы, верно, уже знаете 4 стихотворения Хомякова[12]. Я также написал стихи, которые пересылать неудобно. По этой же самой причине, т. е. по причине неудобства, я и к Вам не писал... Уже и без того про меня говорит Хомяков, что я занимаюсь воспитанием почтовых чиновников!.. Прощайте, графиня. Надобно все-таки сходить взглянуть на ярмарку и послушать жалоб на застой торговли... Если б Вы знали как противны стали мне теперь все эти скучные статистические исследования, когда все мысли заняты одним, когда в голове только Дунай, да Дунай! Будьте же так добры, отзовитесь на письмо мое и, если можно, то поскорее, в возможной скорости, как пишется в официальных бумагах!

Преданный Вам Ив. Аксаков

Прошу Вас засвидетельствовать мое глубокое уважение графу.

18 июня 1854 г. Курск

Вы, верно, руководствуетесь какими-нибудь особенными соображениями при посылке ко мне писем. Ваше письмо, писанное 18 мая, получено мною 18 июня, т. е. ровно через месяц! Кажется, оно съездило в Москву, потом воротилось к Вам в П^етербург и затем уж отправилось по назначению. Это письмо служит, впрочем, ответом на мое письмо, еще не полученное Вами, в котором я излагаю разные свои предположения. Итак, от Дуная мне должно отказаться. В таком случае я dokonчу возложенный на меня труд, а потом уже, разделавшись с Географическим обществом, постараюсь прикрепить себя и весь свой душевный неутомон к Дунаю, или к Одессе – или к другому месту, где происходит всемирная передряга. Я не могу сложить с себя так легко «почетное звание» описателя ярмарок: для этого надобно заплатить 2000 р^{ублей} сер^{ебром} взятые мною у Общества. Но я решался и на это, – в случае возможности перейти на Дунай. Теперь же

это не стоит и делать потому, что через 3 $\frac{1}{2}$ месяца мои разъезды должны окончиться. Нельзя сказать, чтобы ярмарок не было. Они существуют; купцы, всеми силами домогающиеся денежной выручки за товары, в которые посадили свои капиталы, возят «на авось» свои товары туда, куда прежде не возили, или в большем количестве, – но дело кончается обыкновенно тем, что товары непроданные едут обратно и купцы терпят убытки. Тем не менее ярмарки могут быть описаны и теперь, – но в настоящую минуту они не то, что были в прежние годы и не дают верного понятия о нормальной своей деятельности.

Вы говорите, что под моим именем ходят какие-то нехорошие стихи. Не знаю, какие это. Я точно написал стихи, которые злонамеренными людьми легко могут быть истолкованы в дурную сторону. В них говорится о необходимости для России обновиться через сознание, отречься от лжи и идти иным, чистым путем, и проч., и проч. Такой чистый высокий подвиг предлежит России, что он требует и от нас соответственного очищения

в духе. Впрочем, Вы, верно, не желаете, чтобы я распространялся об этом предмете. И не буду. А жаль, что и теперь, несмотря на весь огромный смысл переживаемой нами минуты, честным людям зажимают рты. Помогите Бог России!

Благодарю Вас от всей души за все Ваши хлопоты, передайте мой дружеский поклон Шеншину и попросите его, как скоро он поедет через Харьков или Полтаву, справиться обо мне на почте: там знают – в городе ли я и где именно, на какой квартире. Он уже проезжал однажды через Харьков, но архиерей не знал моего адреса и потому Шеншин, спросивший обо мне архиерея, не мог найти меня.

Будьте здоровы, графиня.

Преданн<ый> Вам Ив. Аксаков

21 окт<ября> 1858 Москва

Благодарю Вас за скорый ответ, добрая Антонина Дмитриевна. Спешу объяснить перед Вами, что моя просьба к Ковалевскому[13] вовсе не есть желание как-нибудь, без надобности, придать важность, блеск и треск нашему литературному делу. Я вполне готов следовать совету Вашего батюшки – не беспокоить такими просьбами государя, но дело в том, что это существенная необходимость, и граф, получая по своему положению все без затруднения, даже не подозревает тех трудностей, которые существуют для нас, бедных смертных, в выписке книг и газет. Почтамт всякий год публикует, какие чрез посредство его, могут быть выписываемы иностранные журналы и газеты. В этом списке *нет ни одного* славянского издания (даже польского), ни греческих, ни многих, многих газет. Ну как их получать? Мы и получаем кое-какие чрез М. Ф. Раевского[14], с *оказией*, но все это приходит несвоевременно, да и оказии, при теперешних наших отношениях к Австрии, стали

все реже и реже. А выписывать чрез русский почтамт, повторяю, нельзя потому, что они не находятся в его списке, а в списках не находятся потому, что при почтовой цензуре не полагается цензоров для этих языков и наречий. Вы всего этого не знаете. Выписать книгу! Через почту, т. е. от книгопродавца, чтоб он прислал по почте, – и дорого, и долго, если книга новая. Но с книгами все еще легче, нежели с периодическими изданиями. Самый дешевый способ – это почтовая пересылка, ибо во всех странах мира цена за пересылку газет и журналов, назначается в пятьдесят раз[15] менее чем за обыкновенную пересылку. Например, есть и у нас в России, вы платите почтовой газетной экспедиции 1 р. 50 к. сер<ебром> в год за пересылку еженедельного журнала, какая бы толщина ни была, а за одни письма в один лот пришлось бы платить за 52 раза – 5 р. 20 коп. А таможня, а цензура! Вот почему, желая установить удобные и правильные сношения с славянами, я подал такую просьбу Ковалевскому. Ох уж эти мне «некоторые обстоятельства», заставляющие *повременить!*

Впрочем, если Вы знаете способ верный и надежный для правильного, своевременного, скорого получения славянских и новогреческих газет и журналов, сообщите его мне, прошу Вас. Мне тогда не нужно будет никакого «изъятия из правил», к которому прибегаю потому, что другого способа на ведаю.

Будущий IV номер «Беседы» весь направлен против Австрии. Обратите внимание на две статьи: в изящной словесности «воспоминания офицера о 1849 году»[16] и на статью в обозрении «Западные славяне» и на мои примечания под ними.

Читали ли Вы мое объявление о «Парусе» [17] и что Вы про него скажете? К несчастью, «Парус» при первом своем появлении, вступил в борьбу. Вот какая у меня вышла история с вывеской!

Я нанял для себя, для конторы и для помощника своего нижний этаж дома княгини Голицыной, на Никитской. В бельэтаже живет князь Львов с княгиней, родной сестрой В. А. Долгорукова[18]. Я повесил было над своими окнами, аршина два или более ниже окон князя Львова, вывеску «Контора журна-

лов „Р<усская> беседа“», «Сельское благоустройство» и газеты «Парус», но княгиня Львова чуть не упала в обморок от мысли, что на доме, где она живет, будет вывеска, она сочла это оскорблением своему аристократическому достоинству и бросилась искать покровительства у князя Крапоткина[19] (обер-полицм<ейстера>) и к удивлению нашла в нем покровителя и, кажется, человека, разделяющего ее образ мыслей. Напрасно ей многие говорили, что она такой же жилец, как и я, что если ей вывеска не нравится, то она купи себе дом и живи в нем, или[20] нанимай уже оба этажа; что вывеска это – не питейного дома, а литературная[21].

Куда! На стены лезет от бешенства. Полиция, разумеется, не имела никаких законных причин не допускать вывески. Я лично два раза объяснялся с Крапоткиным. Сначала он хотел придрататься к тому, что «вывеска длинна, что портит красоту фасада», но все эти причины, разумеется, оказались негодными. Потом он стал уговаривать меня, чтоб я уступил, уважил «предрассудки дамы, что он сам знает, что это глупость, но чтоб я вошел в его

неприятное положение» и проч. и проч., наконец дал слово, что вывеска будет, что он это уладит, но вместо того, после частых совещаний с Львовыми, он, наконец, через неделю, прибег к следующему ловкому выходу: призвали управляющего домом княг<ини> Голицыной (она сама за границей) и заставили его дать показание, что «он с своей стороны на вывеску согласен, но так как кн<язь> Львов объявил ему, что он немедленно съедет с квартиры, если вывеска будет, то он вынужден, для выгод своей доверительницы, предпочесть того, кто ей больше платит, а потому и на вывеску соглашается только в том случае, когда князь Львов на это согласится». Таким образом мне в вывеске отказано. Как Вам нравится это беззаконие, это невежество, эта дикость, эта грубость людей[22] большого света российского! Мне ничего не остается, как дать этому наибольшую гласность. Прошу Вас передать это от меня Анне Федоровне[23]. Пусть подразнит кн<язя> Васил<ия> Андр<еевича> Долгорукова. Я послал публикацию в газеты, что контора моя вывески не имеет по такой-то причине, не знаю, напечатают ли.

Придется писать о том в «Le Nord». Скажите Вашему приятелю Василию Андреевичу, чтоб он написал сестре, чтоб она не позорилась. А я уже было повесил вывеску в самый день выхода в «Москов<ских> ведомостях» моего объявления о «Парусе»! Правда, что вешать я не имел права, до возвращения мне от обер-полицейстера утвержденного рисунка, но я сделал это потому, что мне было известно, что часть и квартал донесли, что рисунок и выбор места сделаны правильно и обер-полицм<ейстеру> оставалось исполнить одну формальность. Но он[24], узнав о желании княгини Львовой[25], вывеску заставил меня снять, а рисунка все же не подписал. Княгиня Львова боится, что «будут думать, что она издает эти журналы (!) и сочтут ее славянофилкой, т. е. принадлежащей к обществу, „в котором люди ходят с усищами и бородищами!“»

Передайте мое глубокое уважение графу Дмитрию Николаевичу. А между тем без вывески мне убыточно. Ну, положим, я не разорюсь, но если б тут жил бедный ремесленник, которого лишить вывески – значит лишить хлеба.

Преданный Вам Ив. Аксаков

14 ноября 1858.
Пятница. Москва

Я приступил к печатанию записок Ненадовича[26], но, к сожалению, они оказались не вполне изготовленными к печати. Именно не достает: 1) Краткого в трех-четыре словах биографического сведения о Ненадовиче, чтобы русская публика могла понять важность этих записок, и сведения о самих записках: где издан сербский подлинник, кем, когда и проч<ие> подробности. Положим, первое можно составить и здесь у нас в Москве, не беспокоя Вас, но о последнем я ничего не знаю.

2) Под страницами попадают часто примечания. По журнальному обыкновению, если нет подписи под примечанием, то оно значит принадлежит самому автору статьи. Между тем эти примечания очевидно принадлежат или переводчику (т. е. Вам), или же издателю сербского подлинника. Я поставил под примечаниями подпись «издатель сербского подлинника», но сделал это наобум и

потому прошу Вас, графиня, немедленно разрешить мои недоумения. Отвечайте мне, прошу Вас, с первой почтой. Вы бы очень хорошо сделали, если б прислали сюда оригинал, т. е. сербский подлинник, хоть на время.

IV книга «Беседы» вышла и будет у Вас в Петербурге в воскресенье.

Я получил Ваше последнее письмо. Оно многое объясняет. Вполне винюсь в том, что отзывом о дорогих Вам лицах оскорбил Ваше чувство дружбы; я не знал, что оба они так Вам близки. Но, кажется, мы более или менее квиты. Если я виноват в резкости и запальчивости, то меня оправдывает причина: цензурное стеснение! Это такая вещь, которая делает, мне кажется[27], всякий гнев естественным и законным. Эта причина вполне уважительная.

Если я имел несчастье посягнуть официальным цензурным распоряжением на свободу мысли, на деятельность слова, то, право, извинил бы и простил всевозможные оскорбления, возбужденные моим же действием. Неужели Вы считаете возможным и даже нравственным безропотное подчинение та-

ким распоряжениям высшего начальства?

Не беситься на цензуру, когда она стесняет Вас в деятельности чистой – было бы просто безнравственно.

С другой стороны – Ваши письма, так щедро расточающие мне всякие оскорбления и... скажу учтивее, – брани, вполне мною извиняются потому, что Вы стоите за друзей Ваших, Вы оскорблены за них, гнев Ваш законен, хотя и дошел до совершенного ослепления, до такого ослепления, что Вы забыли, что в руках Ваших друзей власть, а что я[28] жертва этой власти. Мой гнев, моя дерзость сопряжены с невыгодой для себя, с риском. Их гнев для них не имеет никаких вредных последствий и вреден только мне.

Я было уже заподозрил Костича[29] в болтовне. Но так как из письма Вашего видно, что *Вы сами* рассказали всем и в том числе Господину Е. П. Ковалевскому *причины* Вашего гнева на меня, то я винюсь пред Костичем в этом невольном заочном оскорблении.

Надеюсь на будущее время не подвергать Вас никаким неприятностям и не утруждать Вас никакими[30] просьбами и рассказами,

касающимися моей особы, моих дел, ибо для меня собственно возможны только отношения вполне искренние, вполне откровенные.

Позвольте повторить Вам мою просьбу насчет Ненадовича. Это дело Вам не может быть чуждо.

Ваш покорнейший слуга Ив. Аксаков

30 янв<аря> 1863, вечер.
Москва

Посылаю Вам статью о Польше. Ее не пропустили. Вот уже третий номер выходит без передовой статьи. Не смотря на переданный мне Погодиным[31] от Вас истинно дружеский совет *un conseil charitable*[32] не писать передовых статей вовсе, что, конечно, очень легко исполнить, – я все еще не решаюсь последовать этому дружескому совету убить мою газету, лишить ее всякого цвета и значения. Без передовых статей газета моя не может идти потому, что 3/4 публики только ради их и подписываются на газету, а без поддержки публики, себе в убыток и в утешение моим петербургским друзьям, я издавать газету не в состоянии.

Статью о Польше не пропустили. После этого чего же Вы хотите от меня? Чего же наконец хочет это несчастное правительство от литературы? Оно душит человека за горло и хочет, чтоб он пищал именно тем писком, который ему нравится и ему нужен. Не говорю

уже о всей безнравственности такого требования, – но спрашиваю опять – зачем же нужен этот жалкий литературный писк правительству! Кого оно обманывает? Себя, Европу? Хочет похвастать, что вот мы какие, у нас есть своя пресса, свой *крепостной* оркестр, который немцы готовы будут пожалуй принять за оркестр вольных артистов...

Неужели Вы, столь расточительная на слезы умиления при виде Власти, неужели Вы не способны понять, что не слезы умиления, а слезы досады, негодования, ненависти должны Вы лить при виде того несчастного положения России, которое Вы первая готовы скрыть от Власти, чтобы не огорчить сердобольное отеческое сердце? Скажу Вам свое искреннее убеждение. Для меня несравненно отвратительнее и омерзительнее всяких неистовств польских действия самого русского правительства. Ксендзы, прибегающие к отраве, в тысячу раз нравственнее ваших Головниных, Валуевых[33], и всего Вашего петербургского правительства. Правительство есть истинный душегубец русской земли. И это душегубство духовное в тысячу раз страш-

нее и преступнее всякого[34] физического убийства. Понимаете ли Вы наконец, что если у человека стеснены легкие, и он не может свободно вдыхать и выдыхать воздух, то он не годится ни на какое дело, даже на самозащиту? Понимаете ли Вы, что если общество стеснено в самых необходимых отправлениях общественного духа, то оно бессильно и чахнет? Понимаете ли Вы, что от страны, лишенной свободы мысли и слова (раз, когда в обществе пробудилась эта потребность) Вы не вправе ничего ожидать, кроме гниения, ничего, никакой гражданской доблести? Трактую нас, как детей, вправе ли это, пораженное роковым тупоумием правительство, требовать от нас подвигов мужа.

Безотрадно гляжу я в будущее и верю, что мы будем отныне только биты и биты. Побьют нас и поляки, побьют и турки и развалится вся эта, насилием, злом и ложью созданная империя. «Полная всяких мерзостей» русская земля тоже погибнет, если не раскатыется, если наконец не отречется от сатаны и дел его, если попустит немецко-петербургскому правительству по-прежнему развращать,

напоять русскую землю отравой лжи, кривды, пошлости, подлости и преступной глупости. Да, наша глупость есть уже порок, более: есть уже преступление. За такую глупость, страна, как сухая бесплодная смоковница, отсекается топором и ввергается в огонь.

Не обвиняйте общество в недостатке патриотизма. Не надо ему этого дешевого Вашего патриотизма, к которому правительство во дни беды прибегает, как к готовой силе, продолжая душить общество во дни мира! Общество понимает, что враг России не в Польше, а в Петербурге, что злодей его – само правительство.

Разве легко обществу испытывать такое состояние духа, что оно не знает, чего желать нашему оружию: успеха или урона? Урон может еще, пожалуй, его образумит, – успех даст торжество пошлости, подлости и глупости, еще более утвердит его в самодовольстве... Прольются целые реки слез умиления, отслужатся благодарственные молебны и снова[35] уверятся, что Бог заодно с нашею мерзостью!

Что подумать о той стране[36], которая называет себя русскою и святою, и где именно

нельзя существовать журналу, защищающему православие, русскую народность и все народные начала; где терпят всякие учения, разрушающие веру, нравственность, основы общественные и государственные (хотя бы, по-видимому, и преследовались) и где только такая газета, как «День», избрана мишенью всех тяжелых орудий правительства? Вы скажете, что тут причины случайные. Нужды нет. Возможность господства этих случайных причин – есть уже положительное обвинение.

Никогда до такой оргии тупоумия и бессмыслицы не доходила цензура, от министра до цензора включительно, как теперь, при царствовании всеобщего либерализма, благодушия и – посредственности. И вы хотите, чтобы я тут поддержал правительство, там попатриотничал ему в руку, негодовал бы когда ему хочется, и не смел бы негодовать, когда ему этого не желается. Никогда этого не будет, да и чего вам нужно? Есть у вас на это Катковы, Чичерины, Арсеньевы, Скарятинны [37], наконец вся почти литература, кроме «Дня». Честных людей вам не нужно: это на-

род слишком неудобный.

Я предвижу в скором времени совершенное падение «Дня». Валуев, которого быть способным переваривать есть уже дурной поступок, открыл свои действия по Цензурному комитету (первая бумага) выговором цензору за статью, помещенную в «Дне» месяца два тому назад: «Латыши и их литература» с строгим наказом цензорам, чтобы не сметь ничего печатать «предосудительного о немцах в России». Таким образом, можно сказать, что в Рязани берут взятки, но что их берут в Риге – нельзя. Этого одного уже достаточно, чтоб повернуться спиной к такому пошлому правительству.

Если преследования будут продолжаться, то я прекращу газету. Вас, если это и огорчит, то Вы скоро утешитесь и отыщете оправдание правительству: стоит только съездить в Зимний Дворец – и столько там предметов для умиления! Я же перееду в Дрезден и попробую издавать газету там в тех пределах, которые я бы сам себе назначил и здесь, если б была свобода печати.

Моей статьей о Польше Вы, конечно, буде-

те недовольны. Но я убежден, что нет другого исхода, кроме предлагаемого мною. Цензура послала эту статью Валуеву, что равняется за-прещению или того хуже. Прошу Вас прочесть эту статью Ф<едору> Ив<ановичу> Тютчеву, который также упрекает «День» за его молчание.

Кроме передовых статей, мне не пропускают множества лучших статей по другим отде-лам. Система понижать тон речи доходит до того, что даже в слав<янском> отделе цензор в устах славянина изменяет фразу таким образом: вместо «у турка нет ничего челове-ческого, кроме лица!», вместо этого восклица-ния славянина, цензор ставит: «у *многих* ту-рок нет ничего человеческого, кроме лица...» Как Вам это нравится, Вам ведь это только смешно! Вместо «болгары в Крыму заболели от *тухлой* говядины», он ставит: «*не свежей* говядины!» И все это делается так важно, по докладу Цензурному комитету, после трех-четырёх часов рассуждения. Чего ждать от зем-ли, где ум, талант, дух человеческий вверен опеке наиглупейших и наипошлейших лю-дей всея России? Проклята, отвержена Богом

такая земля, и постигнет ее разрушение в ту самую минуту, когда Вы будете чувствовать прилив к сердцу самого нежного верноподданнического умиления!

Ив. Аксаков

14 мая 1864 г. Москва

Опять давно нет от Вас ни писем, ни известий, дорогая графиня. Как Ваше здоровье? Что с Вами? Едете ли за границу и когда? Знаю только об Вас из газет при описании приезда Муравьева[38], и вполне оценил[39] горячее движение Вашего сердца. Кстати о Муравьеве. У меня до Вас просьба. Дело в том, что Муравьев с Корниловым[40] ищут председателя для Археографической комиссии в Вильне, которую они хотят поднять высоко в значении. Мысль прекрасная: надобно вырвать разработку истории края из рук польских, надо пролить широкий свет истории на эти области, надо повести борьбу с поляками путем науки... Вам, впрочем, важность всего этого и объяснять не нужно. Корнилов присылал своего чиновника в Москву отыскивать председателя, и выбор его пал на Бессонова [41]. Лучшего выбора, по моему искреннему убеждению, нельзя было сделать. Бессонов принял предложение, но предъявил некоторые соображения, для переговоров о которых

его пригласили приехать в Петербург. Он на днях и явится. Но я прошу Вас предупредить о нем Муравьева М<ихаила> Николаевича, чтобы М<ихаил> Н<иколаевич> принял его и выслушал внимательно: если Вы ему скажете, что это почтенный ученый, издатель таких-то книг, славянофил, сотрудник «Беседы» и «Дня», то этого, я думаю, будет уже довольно для Муравьева в настоящее время. Другого человека, кроме Бессонова, и в виду не имеется. Не Костомаров[42] же! – Я прошу об этом же Анну Федоровну.

Пришлю Вам с Бессоновым не пропущенную мою статью из No. Ходила она в Петербург, но и там запретили. Нашли, что слова Христа о том, что Он глава Церкви и что Его царство не от мира сего – противоцензурны.

Дайте о себе весточку. Маменька недавно к Вам писала и боится, что ее первое письмо к Вам, после получения образов, пропало. Ее здоровье и сестер все в том же положении.

Жму ручку Вашу.

Ив. Аксаков

7 авг<уста> 18<77> <г.>

Не отвечал я Вам тотчас на Ваше письмо, дорогая графиня, потому что, как раз по получении этого Вашего, несколько торжественного и умиленного письма, наступили тяжкие, скорбные дни. Двукратное поражение под Плевной, гибель стольких тысяч солдат, избиение болгар, – участь, которую создало болгарам наше отступление из городов, где они встречали нас с хоругвями и иконами – все это пережить было нелегко. Проиграть битву всегда возможно, и нисколько не постыдно, если неприятель вдвое сильнее, поэтому горек не столько проигрыш, сколько причина проигрыша. Так легко было его избежать. Совестно и стыдно пред всем миром <от> такого легкомыслия, такого недомыслия со стороны нашего Штаба. Как бы ни старались умалить значение плевненской неудачи, – в результате однако же настоящее наше бездействие в течение почти целого месяца ради выжидания подкреплений. Как будто нельзя было этого предвидеть заранее! Воз-

можно ли было поставить дело так, что – по случаю первой «неудачи» – оказывается необходимым призывать войска из Петербурга и созывать ополчение в самую неудобную[43], рабочую пору. Точно то же и на Кавказе. Проиграв целую кампанию, потеряли лучшее время, предали Армению на убой и разорение и вынуждены защищать свою собственную территорию. И все это с таким войском, какого до сих пор никогда нигде не бывало! Какая-то роковая глупость и бездарность преследует нас! Это казнь за презрение к душе, за пренебрежение к дарованиям, за посягательство на свободу мысли и слова, за хулу на Духа Святого... Конечно, нельзя было и думать (я этого никогда и не ожидал), что разрешение такого великого мирового вопроса, каков Восточный – добудется так себе, одною военною прогулкою в Константинополь. Я помню, еще Хомяков всегда утверждал, что Осман не отдаст своей жизни даром, что это племя, выставившее во время оно Селимов, Солиманов, Баязетов и пр., проявит такую энергию при смерти, от которой сотрясется мир. И нельзя не дивиться туркам. Султан у них, по выраже-

нию одного моего знакомого, «весь вышел», визири меняются, – по-видимому, полнейшая анархия, восстания кругом, а они не теряют духа, не смиряются в своей гордости, – вооружены лучше нас, и теперь, чтобы побить их, нам необходимо искать больше войска, чем у них. Разумеется, мы сами, т. е. мы, руководящий слой, во всем виноваты. Нам очень понравилось выражение «локализация войны» (т. е. исключительное устремление турецких сил на нас и на Болгарию, которую мы пришли освободить). Мы не позволяли себе ни употреблять выражений «православный, славянский», ни даже самим себе признаться, что сражаемся за возрождение славянского мира, и хотим однако же освободить болгар. Думаем только освободить болгар и издаем законы об отмене такой-то подати навсегда, о введении с будущего года новой подати и проч., и пр.

Иначе и быть не может, когда руководители не стоят сознанием на уровне с событиями. Война эта для нас самих имеет воспитательное значение. С этой точки зрения нам необходимы были уроки. Дай только Бог, что-

бы мы ими вразумились. Я полагаю, любезная графиня, что если Вы обратитесь за всем, что Вам нужно, к председательнице центрального склада в Москве, Марье Николаевне Дурново, то Вы получите от нее все требуемое. Там довольный запас всего, и установлены сообщения, т. е. имеется право даровой пересылки под Красным Крестом. Можно было бы обратиться к ее помощнице Китти, но Китти в деревне.

Прощайте. Пока не одержим победы над внутренним врагом, едва ли добьемся полностью торжества над врагом внешним. Но мы на пути к победе. Сознание, охватившее весь народ, все войско, не замедлит достичь своею волною высших и смыть кстати Валуевых, Тимашевых и им подобных, их же легион. Целую ручки Ваши. Анна Вам от всей души кланяется.

Ваш Ив. Аксаков

8 марта. Москва.
<18>78 <г.>

Благодарю Вас за Ваши добрые строки, дорогая графиня. Да, нас осталось немного, а в моем мужском кругу друзей и товарищей жизни – никого. Я стал похож на кладбищенского сторожа, охраняющего могилы и памятники. Приходится беседовать только с мертвыми, с ними обмениваться мыслями.

Добро б еще исчезали просто друзья, но гаснут умы, светившие и веселившие душу светом, нужные для России. Со смертью Черкасского[44] потухла единственная светящаяся точка в этой серой мгле бездарности, посредственности и пошлости, нависшей над нашей бедною землею!..

Мне пришлось третьего дня, в публичном заседании Славянского общества, читать речь, посвященную памяти Черкасского, за исключением вступительных слов. Ею остались довольны и мне бы хотелось, да и многим, видеть ее в печати, но вашим петербургским башибузукам так ненавистно наше Сла-

вянское общество, так претит знамя русской народности, что бедному московскому слову или совсем не пролезть живым сквозь их ряды или же придется подвергнуться всяческому изувечению и посрамлению. Одним словом – речь, чтобы быть напечатанною, подлежит цензуре Главного управления по делам печати, куда и отправлена. А между тем она и без того уже в виду Петербурга была мною порядочно помята и затянута в самый узкий корсет.

Все это под конец утомляет – становится тошно. Еще тошнее при мысли, что война не принесла главного, столько чаянного мною результата: расширения народного исторического самосознания в властительной сфере. Пока дело покоится на плечах нашего мужика или солдата, за успех его можно ручаться: не выдаст он русских интересов... Но что творится теперь? Точно свинец лежит на груди у всех. Томительна, оскорбительна была пора Константинопольской конференции. Но теперь, после таких обильных потоков русской крови, после стольких жертв так великодушно-смирненно принесенных, после подвигов и

побед, небывалых в истории, – возвратиться народу опять в такое же положение, т. е. чтоб ему плевали в лицо, били по щекам и, глумясь над ним, ломали дело победоносных рук, рушили здание, воздвигнутое на его костях!.. Не легок подвиг народного долготерпения! Еще можно быть мучеником, но быть напрасным, обманутым мучеником, быть одураченным страстотерпцем... Такой казни не испытывал ни один народ в мире. Скажите это вашим дипломатам. Они ведут прямо к войне – путем позорных уступок. Они уже отняли у народа[45] ту награду, которой он был достоин[46] святую радость мира[47], святое утешение вполне содеянного блага.

Нам предлагают взамен союз с турками против христиан, – против греков и против мятежных герцеговинцев и боснийцев!! Но лучше перестать.

Берегите Ваше здоровье, милая графиня, целую Ваши ручки. Анна целые дни проводит в своем приюте и возится с маленькими гражданками того 20 века, который я конечно не увижу.

Вам сердечно преданный *Ив. Аксаков*

18 июля <18>81 <г.>. Троекурово
Благодарю Вас, дорогая графиня, за доставление мне письма графа Дмитрия Николаевича. Оно пойдет в следующий №. Оно, к несчастью, имеет интерес современности, – да и не худо напоминать генеалогию нашей крамолы... Очень мне отраднo читать, что Вы пишете про «Русь», а еще отраднее было бы слышать, что не я один в поле воин, но в провинции «интеллигенция» и культурный человек кажется того же калибра, как и в столицах и, может быть, даже хуже – сквернейшие копии скверных оригиналов.

Газеты, конечно, дойдут до Вас раньше этого письма и из них вы узнаете о радостном сюрпризе, который сделал государь своему народу. Взял, да отправился в Москву, а завтра к Троице, а оттуда отправится, говорят, в Нижний! Об его приезде в Москву узнали только за сутки. Московское начальство приняло было меры предосторожности такого рода, чтобы запретить Кремль, не пускать туда ни души, препятствовать всякому народному

сборищу, но государь, узнав о том в Твери, прислал оттуда депешу, чтоб никаких помех народной встрече не делали. К сожалению, депеша пришла ночью, и утром, в 9 часов, на жел<езной> дороге действительно, кроме военных и высокопоставленных лиц, никого не было. Но зато на выходе в Усп<енский> собор, а потом в Чудов, народ взял свое! Все крестились, и если утро не было тем перекатным громом, каким мы с Вами его знали в былые времена, то лишь потому, что народ произносил вслух молитвы или «слава тебе, Господи!» Это верно.

Разумеется, в самой сердцевине лета и притом в лютый жар (хотя, впрочем, в ночь пошел проливной дождик и погода переменялась, но накануне приезда и дней за пять жара была убийственная) – общество в Москве малочисленно, и потому на выходе было, сравнительно, не много[48]; однако же не так мало, как можно было опасаться. Анна нарочно отправилась в Москву и мы были с ней во дворце. Государь произвел приятное впечатление на всех своим бодрым, мужественным видом. По Москве он катался в ко-

ляске, без всякого конвоя, чем народ очень гордится, – а сегодня на Ходынском поле, где происходил смотр войскам, народ прорвал все шпалеры и государь едва подвигался в массах неистовавшего от радости народа. Это явление царя народу[49] снимает много тягости с народного сердца. «Как есть государь!» говорит народ. Дай же Бог, чтобы путешествие по России совершилось до конца благополучно!.. Из министров с ним один Игнатьев [50] (вообще свита очень маленькая...).

А мы дня 4 до приезда царя только что возвратились с Анной из Варварина, где прожили слишком неделю, для чего я должен был предварительно усиленно поработать и заготовить целый Но вперед. Впрочем Дарья[51], а может быть и Китти[52] уже писали Вам об этом... Время мы провели там отрадно. Китти только что окончила какое-то богатырское лечение, от которого едва начала оправляться, но лечение, кажется, было не без пользы. Китти вставляется в свое Варварино как в рамку и всю ее наполняет. У ней много занятий и по церкви и по школам, да она служит и центром для всей окрестности, так что, я ду-

маю, она не скучает, – чего про Дарью сказать
нельзя.

Прощайте, милая дорогая графиня. Что это
Вы все хвораете? Как идут Ваши учреждения?
Прощайте, целую Вашу ручку, и утешьте нас
доброю о себе вестью.

Вам всею душою преданный

Ив. Аксаков

11 апреля 1882

Дорогая графиня, письмо это передаст Вам Петр Алексеевич Бессонов, который отпущен Харьковским университетом (где он профессором) в путешествие по славянским землям и который просит чрез мое посредство Вашего ходатайства пред Деляновым[53] об оказании некоторого подспорья путешественнику со стороны М<инистерст>ва народного просвещения. То есть, Бессонов будет там хлопотать сам, и только желает Вашей поддержки. С моей стороны я исполняю его просьбу.

Можете себе представить у Анны, совсем раздавленной кончиною нашей дорогой Китти, – в добавок коклюш. Он пристал к ней от детей приюта, – так что она совсем расклеилась. С нетерпением ожидаю тепла, чтоб ее перевезти на дачу. До свидания, милая графиня, говорят Вы и сами скоро будете в Москву.

Весь Ваш *Ив. Аксаков*

Примечания

Аксаков И. С. Письма к родным 1849–1856. М. 1994. С. 248.

[^^^]

Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. СПб.
1896. Ч. 2. Т. С. 181–256.

[^^^]

Письмо И. С. Аксакова графине А. Д. Блудовой
// «Русский Архив». 1915. № 6. С. 129–132.

[^^^]

Орлов Алексей Федорович (1786–1861), граф, шеф жандармов и главный начальник III Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии. Аксаков просил о разрешении отправиться в кругосветное плавание на военном фрегате «Диана».

[^^^]

Дубельт Леонтий Васильевич (1792–1862).

[^^^]

Имеется в виду Блудов Дмитрий Николаевич (1785–1864), граф, управляющий II Отделением Собственной Е. И. В. канцелярии. Отец А. Д. Блудовой.

[^^^]

Оболенский Дмитрий Александрович (1822–1881), князь, товарищ министра государственных имуществ (1870–1872), друг И. С. Аксакова.

Вероятно, Попов Александр Николаевич (1821–1877), славянофил, служащий II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии.

Шеншин Николай Васильевич (?-1858), флигель-адъютант военного министра. Впоследствии член Петербургского комитета по освобождению крестьян.

[^^^]

8

Далее зачеркнуто: встает (*прим. публ.*).

[^^^]

Речь идет о войне с Турцией, союзниками которой с февраля 1854 г. стали Англия и Франция.

[^^^]

Далее зачеркнуто: дать (*прим. публ.*).

[^^^]

Далее зачеркнуто: своим (*прим. публ.*).

[^^^]

Хомяков Алексей Степанович (1804–1860), религиозный философ, писатель, поэт, публицист.

[^^^]

Возможно, Ковалевский Егор Петрович (1811–1868), директор Азиатского департамента МИД (1836–1861).

[^^^]

Раевский Михаил Федорович (?-1884), священник русской посольской церкви в Вене.

[^^^]

Далее зачеркнуто: если не больше (*прим. публ.*).

[^^^]

Имеется в виду статья А. Бобринева «Заметки русского офицера на пути из Варшавы в главную квартиру в 1849 году».

[^^^]

Газета, издававшаяся И. С. Аксаковым в 1859 г.

[^^^]

Долгоруков Василий Андреевич (1804–1868), князь, шеф жандармов и главный начальник III Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии.

[^^^]

Крапоткин Алексей Иванович, князь, генерал-майор, московский обер-полицмейстер (1858–1861).

[^^^]

Далее зачеркнуто: плати (*прим. публ.*).

[^^^]

Далее зачеркнуто: что (*прим. публ.*).

[^^^]

Далее зачеркнуто: дам (*прим. публ.*).

[^^^]

Вероятно, Тютчева Анна Федоровна (1829–1889), с 1866 г. жена И. С. Аксакова, фрейлина Императрицы Марии Александровны.

[^^^]

Далее зачеркнуто: получив (*прим. публ.*).

[^^^]

Далее зачеркнуто: не подписал рисунка (*прим. публ.*).

[^^^]

Ненадович Матфей (1777–1854), известный сербский государственный деятель. «Записки протоиерея Матвея Ненадовича» были опубликованы в журнале «Русская Беседа» в 1859 г.

[^^^]

Далее зачеркнуто: каждый (*прим. публ.*).

[^^^]

Далее зачеркнуто: легко могу быть (*прим. публ.*).

[^^^]

Костич Иван, юнкер Михайловского артиллерийского училища, воспитанник А. Д. Блудовой.

[^^^]

Далее зачеркнуто: личными (*прим. публ.*).

[^^^]

Погодин Михаил Петрович (1800–1875), историк, писатель, академик Петербургской Академии наук.

[^^^]

милосердный совет (*пер. с фр.*).

[^^^]

Валуев Петр Александрович (1815–1890), граф,
министр внутренних дел (1861–1868).

[^^^]

Далее зачеркнуто: вещественного (*прим. публ.*
).

[^^^]

Далее зачеркнуто: плесенью зацветает (*прим. публ.*).

[^^^]

Далее зачеркнуто: где (*прим. публ.*).

[^^^]

Катков Михаил Никифорович (1818–1887), публицист, издатель журнала «Русский Вестник» и газеты «Московские Ведомости».

Чичерин Борис Николаевич (1828–1904), юрист, историк, философ, профессор Московского университета (1861–1868).

Арсеньев Константин Константинович (1837–1919), критик и публицист, товарищ обер-прокурора гражданского кассационного департамента Сената (1874–1882).

Скарятин Владимир Дмитриевич, публицист, редактор-издатель газеты «Весть».

[^^^]

Муравьев Михаил Николаевич (1796–1866), граф, генерал от инфантерии, главный директор Межевого корпуса Министерства юстиции (1842–1857), министр государственных имуществ (1857–1861), виленский генерал-губернатор (1863–1865).

[^^^]

Далее зачеркнуто: Ваше (*прим. публ.*).

[^^^]

Корнилов Иван Петрович (1811–1901), попечитель Виленского учебного округа (1864–1868).

[^^^]

Безсонов (Бессонов) Петр Алексеевич
(1828–1898), славист, издатель.

[^^^]

Костомаров Николай Иванович (1817–1885), русский и украинский историк, писатель, профессор Петербургского университета с 1859 г., член-корреспондент Петербургской Академии наук с 1876 г.

[^^^]

Далее зачеркнуто: пору (*прим. публ.*).

[^^^]

Черкасский Владимир Александрович
(1824–1878), князь.

[^^^]

Далее зачеркнуто: всякую (*прим. публ.*).

[^^^]

Далее зачеркнуто: всякую (*прим. публ.*).

[^^^]

Далее зачеркнуто: всякое (*прим. публ.*).

[^^^]

Далее зачеркнуто: хотя (*прим. публ.*).

[^^^]

Далее зачеркнуто: очень (*прим. публ.*).

[^^^]

Игнатъев Николай Павлович (1832–1908), граф, генерал от инфантерии, министр внутренних дел (1881–1882).

[^^^]

Тютчева Дарья Федоровна (1834–1903), дочь
Ф. И. Тютчева от первого брака.

[^^^]

Тютчева Екатерина Федоровна (1835–1882),
дочь Ф. И. Тютчева от первого брака.

[^^^]

Делянов Иван Давыдович (1818–1897), граф,
министр народного просвещения (1882–1897).

[^^^]